

УДК 902 (571.65/.66):93

**КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
СЕВЕРА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
(к 80-летию Н. Н. Дикова)**

М. А. Кирьяк

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН, г. Магадан

Посвящается истории археологических исследований в Северо-Восточно-Азиатском регионе. Кратко рассмотрен «стихийный» период изучения древностей участниками географических экспедиций, путешественниками, государственными чиновниками в XVII – начале XX в., геологами – первооткрывателями недр этого края в XX в. Раскрываются этапы становления и развития археологической науки на Северо-Востоке Азии, связанные прежде всего с именем Н. Н. Дикова. Отмечается весомый вклад Н. Н. Дикова в изучение древних культур, акцентируются ключевые открытия и исследования, в частности ушковских памятников на Камчатке, новые подходы в разработке эскимосской проблемы, этнической идентификации древних культур Чукотки и Камчатки. Обозначены перспективы дальнейших археологических работ.

Ключевые слова: археологические исследования, этническая идентификация, ушковские культуры, сибердиковская культура, путорацкая культура, миграции, мезолит, перспективы.

Первые раскопки на Севере Дальнего Востока произвел в 1787 г. участник Северо-Восточной географо-астрономической экспедиции Г. А. Сарычев. На Большом Барановом мысу (западная Чукотка) он частично раскопал оплывшие западины древних жилищ, тем самым, по словам А. П. Окладникова, положив начало «полярной археологии как науки». Немногочисленные культурные остатки (фрагменты керамики, каменный нож и пр.) составили первую археологическую коллекцию с Крайнего Северо-Востока Азии. А. П. Окладников, детально исследовавший эти жилища в 1946 г., интерпретировал их как древнеэскимосские и датировал пунукской стадией (Окладников, Береговая, 1971).

Разрозненные археологические материалы с северо-восточной окраины России, случайные находки, преимущественно плохо документированные, поступали в музеи от путешественников, участников различных экспедиций, государственных чиновников в конце XVIII – начале XX в. В числе собирателей были С. П. Крашенинников, Г. А. Сарычев, О. Ф. Герц, К. Дитмар, А. Е. Норденшельд, Н. И. Попов, И. П. Сокольников, Н. Гондатти, В. Г. Богораз, В. И. Йохельсон и др. В отдельных случаях производились и раскопки, непрофессиональные и незначительные по объему. Подавляющая часть находок – с наиболее доступных приморских памятников – относилась к неолитическому и более позднему

времени; континентальная зона надолго оставалась белым пятном. В изучении первобытной истории Севера Дальнего Востока это был первый, начальный период, в котором исследования носили преимущественно стихийный характер. Разрозненные археологические коллекции «были погребены в столичных и провинциальных музеях» (Диков, 1967. С. 46).

Профессиональные раскопки, как это ни парадоксально, начаты на Камчатке в годы гражданской войны иностранными археологами. В 1920–1922 гг. участники шведской ботанической экспедиции Бергман и Шнелл копали поздне-неолитические жилища на юге полуострова. Полученные коллекции были опубликованы Шнеллом только в 1932 г. (Там же. С. 46, 49). В 1924, 1928, 1932–1933 гг. производили раскопки юртович в районе Усть-Камчатка и на западном побережье Камчатского полуострова японцы Сигекура и Накаяма. Все артефакты были увезены за границу. Иностранную археологическую деятельность 20-х – начала 30-х гг. XX в. Н. Н. Диков назовет позднее «одним из проявлений империалистической экспансии в науке» (Там же).

Первые научные полевые работы на Северо-Востоке относятся к началу культурного строительства в крае. Этнограф-лингвист Е. П. Орлова, активная участница культурной революции среди малых северных народов, исследовала в 1928 г. двухслойную стоянку на Мишенной сопке в Петропавловске; обнаруженные ею находки были частично опубликованы в 1947 г.

В 1930–1932 гг. значительные археологические раскопки на о. Завьялова (вблизи Магадана) произвели М. Г. Левин и В. И. Левин – сотрудники Нагаевской культбазы; коллекции были вывезены в музей антропологии при МГУ (Диков, 1967). В 1934 г. на основе краеведческого кружка Нагаевской культбазы создается Охотско-Колымский (ныне – Магаданский) краеведческий музей, в фонды которого стали поступать различные археологические находки.

В предвоенные годы вводятся в научный оборот древности с приморских памятников Камчатки и Чукотки, происходит оценка и осмысление накопленного в музеях археологического материала. В 1935 г. молодой ленинградский археолог Д. Н. Лев опубликовал находки из землянки в Тарьинской бухте (возле Петропавловска), переданные в Музей антропологии и этнографии капитаном траулера «Красноармеец» Н. А. Гурьевым. Молодой исследователь не только интерпретирует серию каменных тесел, ножей, наконечников и антропоморфных фигурок, но и делает первую, весьма удачную попытку датировать тарьинский комплекс, отнеся его к «концу неолита Камчатки» (Лев, 1935).

В 1939 г. А. П. Окладников в разделе макета «История СССР с древнейших времен до образования Русского государства» обобщает все известные археологические данные, выделяет этапы и предлагает культурно-историческую характеристику древних приморских памятников Камчатки и Чукотки. Ранние местонахождения тарьинской культуры Камчатки (II–I тыс. до н. э.) он связывает с предками ительменов, наиболее поздние (в устьях рр. Кулка и Кавран) интерпретирует как древнекорякские. В ранней прэскимосской культуре он выделяет три периода: древнеберингоморский, пунукский и туле (Диков, 1967. С. 50).

В 1941 г. выходит работа А. В. Мачинского «Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове», вводящая в научный оборот часть древнеэскимосских вещей из коллекции Д. Е. Беттака и Н. П. Борисова (Там же). Сам исследователь погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны.

В первые же послевоенные годы на Северо-Восток снаряжаются из Ленинграда экспедиции от Института Арктики к Берингову проливу во главе с С. И. Руденко и на Охотское побережье и Колыму во главе с А. П. Окладниковым.

Результаты берингоморских исследований значительны: С. И. Руденко на основе обильного материала, обнаруженного на древнеэскимосских становищах, выделяет не только древнеберингоморскую и пунукскую хронологические группы памятников, отмеченные ранее А. П. Окладниковым, но и более древние, по его мнению, узелно-оквикские находки (Руденко, 1947).

Экспедиция А. П. Окладникова, прошедшая по Колыме до Северного Ледовитого океана, в

самых низовьях Колымы выявила позднеэнеолитические местонахождения и детально исследовала древнеэскимосские жилища бирнирской стадии, найденные в конце XVIII в. Г. А. Сарычевым. Открытие и изучение древнеэскимосских памятников позволило подойти к разработке эскимосской проблемы на основе отечественных (а не только американских) источников. В результате большим признанием стала пользоваться гипотеза азиатского происхождения эскимосов (Там же. С. 52).

Таким образом, первый этап подлинно научного изучения северо-восточно-азиатских древностей отмечен наиболее успешным исследованием приморских районов Камчатки и Чукотки.

Археологическое изучение глубинных районов севера Дальнего Востока, включающего Магаданскую и Камчатскую области, Чукотский и Корякский автономные округа, началось сравнительно недавно. Еще в 1950 г. А. П. Окладников, давая оценку первым находкам из внутриматериковой Чукотки, писал: «Можно было даже подумать, что суровые и дикие внутренние пространства Чукотского полуострова ... вообще оставались пустынными и совершенно не заселенными человеком в древности» (1950. С. 196). Первые археологические находки в районах Внутренней Чукотки были сделаны геологами. В 1947 г. Н. Н. Лешин обнаружил следы пребывания древнего человека в бассейне р. Яки-Тикивеем (Центральная Чукотка). После осмотра береговой террасы им был «перерыт на глубину до 20 см» небольшой участок (Лешин, 1950. С. 194). Собранные здесь материалы А. П. Окладников интерпретировал как позднеэнеолитические (1950. С. 197). В 1952 г. Н. А. Граев открыл еще одну стоянку позднего неолита – у оз. Чировое (Центральная Чукотка). В те годы шла интенсивная разведка чукотских недр, и первые археологические открытия были сделаны, к сожалению, не археологами. Изыскания носили спорадический характер и отличались отсутствием профессионализма. В 1955 г. в окрестностях оз. Эльгыгытгын, самого большого во Внутренней Чукотке, работала экспедиция Института мерзлотоведения АН СССР. Ее участниками А. К. Саяпиным и И. А. Некрасовым были выявлены и обследованы три пункта с древними культурными остатками и тайник со складом готовых изделий на склоне ближайшей сопки. Основная часть артефактов из эльгыгытгынской коллекции попала в Чукотский окружной краеведческий музей, остальные предметы были увезены в Ленинград. Первые сведения о находках у оз. Эльгыгытгын были опубликованы в 1957 г. А. П. Окладниковым и И. А. Некрасовым. Совокупность данных по той части коллекции, которая находилась у А. П. Окладникова, позволила исследователю сделать вывод о развитой неолитической культуре охотников на дикого оленя, оставивших

следы деятельности на берегах озера около 4 тыс. л. н. (Окладников, Некрасов, 1957). В 1958 г. Н. Н. Диков и А. К. Саяпин опубликовали результаты исследований части коллекции, которая была передана Чукотскому окружному краеведческому музею (Саяпин, Диков, 1958). На основе имеющихся данных Н. Н. Диков классифицировал каменный инвентарь по типологическим группам и функциональному назначению. Так началось подлинно научное осмысление культурных древностей из внутриконтинентальных районов Северо-Восточно-Азиатского региона, сопровождавшееся активизацией полевых археологических исследований на севере Дальнего Востока со стороны двух ведущих краеведческих музеев – Чукотского окружного (раскопки в 1953–1955 гг. древнего поселения Канчалан в континентальной зоне Анадырского района) и Магаданского областного (экспедиция 1955–1956 гг. на Охотском побережье в пределах Ольского района). Археологические работы стали приобретать более систематический и планомерный характер. Полученные в результате раскопок источники представляли собой ценный, но весьма фрагментарный материал, далеко не достаточный для воссоздания целостной исторической картины (Диков, 1967. С. 5).

Новый этап начинается с приходом в 1955 г. в Анадырский окружной музей Н. Н. Дикова, имевшего к тому времени солидную практику археологических работ в Забайкалье и защитившего под руководством А. П. Окладникова кандидатскую диссертацию. В 1956–1959 гг. Н. Н. Диков проводит сплошную разведку морского побережья северо-восточной части Чукотского полуострова и внутриконтинентальных районов Центральной Чукотки. На этом этапе экспедиционных работ им были выявлены, раскопаны и изучены десятки ранее неизвестных памятников каменного века – стоянок, мастерских, поселений. Раскопки Усть-Бельского могильника дали антропологический материал, позволивший реконструировать облик поздненеолитического населения Внутренней Чукотки. В ходе изучения источников Н. Н. Диков пришел к выводу о том, что многочисленные следы неолитических культур по берегам рек и озер принадлежат охотникам на дикого оленя и рыбакам, далеким предкам юкагиров и чукчей (1958. С. 5–6). По данным, полученным в результате обследования бассейнов рр. Анадырь, Амгуэма, Ванкарем, оз. Красное и Чировое, он наметил контуры, а позже выделил внутриконтинентальные культуры Чукотки: северочукотскую поздненеолитическую – начало II – начало I тыс. до н. э., усть-бельскую эпохи бронзы – конец II – первая половина I тыс. до н. э. и вакаревскую культуру пережиточного неолита – середина II тыс. н. э. (1979. С. 139, 148, 234). Накопленный к тому времени археологический материал сделал возможным по-новому подойти к постановке проблем

происхождения и древней истории коренного населения северо-востока Азии.

На основе новых археологических данных «была поставлена проблема этнической дифференциации населения Северо-Востока в ходе его исторического развития» (Диков, 1967).

Третий этап археологического изучения севера Дальнего Востока начинается с организации в 1960 г. в Магадане Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института ДВНЦ АН СССР. Среди его подразделений – лаборатория археологии, истории и этнографии, возглавить которую было предложено Н. Н. Дикову. С 1961 г. начались широкомасштабные работы, охватившие не только территорию Магаданской области с входящей в нее Чукоткой, но и внутренние, а также приморские районы Юго-Восточной Камчатки. В ходе первых же маршрутов в бассейне р. Камчатка были обнаружены следы пребывания верхнепалеолитического человека. В процессе последующих археологических работ на берегу оз. Ушковское в нижних слоях стоянок Ушки I, V и VI удалось выявить две следующие друг за другом верхнепалеолитические культуры, соответствующие слоям VI и VII опорной стоянки Ушки I. Это открытие имело широкий резонанс, поскольку впервые позволяло подойти к проблеме древнего заселения Северо-Восточной Азии и Америки, «опираясь на достоверные археологические данные» (Диков, 1975. С. 44).

Ранняя ушковская палеолитическая культура, представленная слоем VII стоянки Ушки I, существовала, согласно радиоуглеродным датам, в интервале от $14\ 300 \pm 200$ (МАГ-550) до $13\ 800 \pm 250$ (ГИН-167) л. н. В слое исследовано поселение из 10 наземных жилищ, в центре которого находилось одиночное погребение; в нем прекрасно сохранились пиррофиллитовые бусинки (881 шт.), которыми, вероятно, была украшена одежда погребенного. Для материального комплекса слоя VII характерны плоские черешковые метательные наконечники, бифасиальные каменные ножи листовидной формы и наконечники копий, пиррофиллитовые бусы и подвески, альбитовые резцы для их изготовления. Комплекс слоя VII ушковских стоянок не имеет аналогов среди известных верхнепалеолитических культур Сибири и Дальнего Востока (Диков, 1979, 1993б).

Поздняя ушковская палеолитическая культура представлена слоем VI стоянок Ушки I и Ушки V, для которых получены радиоуглеродные даты: $10\ 860 \pm 400$ (МАГ-400), $10\ 760 \pm 110$ (МАГ-219), $10\ 360 \pm 350$ (МО-345) л. н. (Диков, 1993б). Эта культура коренным образом отличается от предшествующей как по принципам домостроительства, так и по технико-типологическим показателям каменного инвентаря. На стоянке Ушки I выявлено более 40 разных по типам жилищ, которые можно разделить на три груп-

пы: углубленные с входным коридором (грибовидной формы) и очагом с каменной кольцевой выкладкой; углубленные без коридора (с аналогичной очажной конструкцией) и наземные со следами открытых кострищ (Диков, 1979, 1993б). В углубленных жилищах обнаружены два детских погребения и погребение собаки. В детских погребениях сохранились молочные и постоянные зубы; судя по ним, погребенные были в возрасте от 2 до 6 лет. В одном из погребений обнаружено более 150 зубов. От костей остались лишь «разрозненные желтые следы» (Диков, 1993б). Для материального комплекса слоя VI ушковских стоянок характерны клиновидные нуклеусы, совершенно не представленные в слое VII. В комплексе отмечено большое количество микропластинок, лыжевидных сколов, срединных и угловых резцов на отщепах, скребел-ножей «сибирского» типа. К специфическим элементам ансамбля артефактов слоя VI относятся каменные губные вставки-лабретки. Для этой поздней ушковской верхнепалеолитической культуры характерны бифасиальные каменные орудия, но метательные наконечники (узкие листовидные, бесчерешковые) технико-типологическими характеристиками в корне отличаются от наконечников VI слоя. Особенность каменной индустрии – сочетание микроорудий с макроинвентарем ударного типа и скреблами-стругами (Там же). Духовный мир «поздних» ушковцев раскрывается через погребения, а также образцы мобильного искусства. В слое VI обнаружены скульптурные изображения мамонтов, полиэйконическая фигурка, песчаниковые плитки с графикой и крестообразным рисунком из точек (древнейшим лунным календарем). На полу одного из жилищ обнаружен геоглиф – изображение рыбы, выполненное красной охрой. С определенными религиозными представлениями связаны найденные в погребениях цинковка из резцов леммингов и, по-видимому, ожерелье из детских молочных зубов с корнями, в которых были просверлены отверстия.

Открытие ушковских культур (памятники Ушки I и Ушки V имеют семь культурных слоев) стало большим событием не только для отечественных, но и для зарубежных археологов, занимающихся изучением древних культур тихоокеанского круга. Археологические данные, полученные Н. Н. Диковым на Камчатке (слои VII и VI ушковских стоянок), а также материалы Аляски, которыми располагают американские археологи, свидетельствуют об определенных культурных традициях по обеим сторонам Берингова пролива, позволяют проследить несколько этапов в заселении Америки через Берингию и этнокультурные связи племен, населявших северо-восток Азии и Аляску (Диков, 1993а. С. 156). Одну из последних сухопутных миграций в глубинные заледниковые районы Америки из Северной Азии специалисты

связывают с носителями культуры слоя VII ушковских памятников. Предполагается, что мигранты были предками индейцев (Там же. С. 158). Следующая миграция фиксируется по культурным остаткам слоя VI ушковских стоянок и отмечена комплексами в Восточной Чукотке, а также на Аляске. В этническом отношении культура слоя VI первоначально соотносилась Н. Н. Диковым с предками эскоалеутов (Диков, 1979). Прекрасно стратифицированные благодаря пепловым прослойкам палеолитические стоянки на Камчатке являются важным источником в решении проблем древнейшего заселения Америки. Открытие ушковских памятников и сегодня остается выдающимся событием в археологии Севера Дальнего Востока.

Следующей вехой в изучении древнейших культур Северо-Восточно-Азиатского региона было открытие Н. Н. Диковым в зоне затопления Колымской ГЭС многослойных стоянок Конго, Сибердик и Малтан. Исследование этих памятников позволило выделить сибердиковскую культуру и проследить ее развитие от финального палеолита до неолита. Материальный комплекс этой уникальной в регионе культуры характеризуется сочетанием двух технологий – мелкопластинчатой и галечной. Сибердиковская культура реликтового палеолита, генетически тяготеющая к палеолитическим культурам Приамурья, явилась тем недостающим звеном, которое связывало юг Дальнего Востока и Северо-Западную Америку (Там же).

Параллельно с этими исследованиями велись поиски и раскопки более поздних памятников во внутренних районах Приколымья, Чукотки и Камчатки. На этом этапе археологических изысканий был открыт геологом Н. М. Саморуковым и исследован Н. Н. Диковым уникальный памятник монументального искусства Заполярной Чукотки – Пегтымельские петроглифы (Диков, 1971). Более чем в 100 композициях запечатлены сцены бытового и магического характера: охота на китов в открытом море, на оленей во время плавей, на медведя с собаками и др. Петроглифы существенно расширили представления о хозяйстве и образе жизни древнего населения Чукотки, приоткрыв целый пласт духовной культуры аборигенов. Впервые Н. Н. Диковым был расшифрован смысл и дана интерпретация грибовидным изображениям, известным по наскальным рисункам Сибири. В Пегтымельских петроглифах яркое отражение получил культ гриба-мухомора, отмеченный у коренного населения участниками различных экспедиций XVIII–XIX вв. Его хронологическая глубина по пегтымельским рисункам измеряется I тыс. до н. э. Пегтымельские петроглифы – пока единственный известный нам памятник монументального искусства на севере Дальнего Востока.

Важным научным событием явилось открытие в 1975 г. Н. Н. Диковым на о. Врангеля палеоэскимосской стоянки очень древнего времени, датированной по радиоуглероду 3360 ± 155 (МАГ-198) л. н.

Благодаря исследованиям антропологов Г. Ф. Дебеца, А. М. Золотарева, М. Г. Левина, археологов Д. А. Сергеева, Н. Н. Дикова, этнографа С. А. Арутюнова получили развитие идеи, касающиеся эскимосской проблемы. Материалы могильников, поселений и стоянок позволили Н. Н. Дикову разработать новый концептуальный подход к этнической идентификации древних берингоморских памятников. Наиболее ранней он считает оквикскую культуру, возникшую раньше древнеберингоморской, затем длительное время с ней сосуществующую. В формировании последней, по его мнению, участвовали неоэскимосские комплексы Аляски. Сменили древнеберингоморскую культуру бирнирская, сформированная на Аляске, и пунукская, получившая развитие непосредственно из древнеберингоморской. Наиболее поздней на Чукотке является культура туле как результат гренландско-канадского неоэскимосского влияния (Диков, 1979; Кирьяк, Орехов, 2000).

Характеризуя третий этап археологических изысканий в рассматриваемом регионе, отметим тот факт, что многоплановые и крупномасштабные работы проводились небольшой группой исследователей, участником и руководителем которой был Н. Н. Диков. Но при всей осознанности достигнутых результатов, далеко не решенными оставались проблемы, связанные с происхождением коренных народов Северо-Востока, ранними этапами их этнической истории. Уже в 1930-е гг. эта проблематика была в центре внимания советских этнографов и антропологов, но отсутствие «достаточно конкретных материалов, в частности археологических, обусловило характерный для этих первых советских исследований социологический схематизм» (Диков, 1975. С. 46). В его преодолении большую роль сыграло обобщение А. П. Окладниковым, С. И. Руденко, В. В. Антроповой, М. Г. Левиным известных к тому времени полевых материалов (Там же). Но фрагментарность и локальный характер полученных в 1940–1950-е гг. археологических данных не позволяли воссоздать цельное полотно древней истории; складывалась лишь мозаичная картина со множеством белых пятен. Особенно ощутимые информационные лакуны были связаны с Крайним Северо-Востоком Азии, в наибольшей степени труднодоступным для полевых работ. Не утратила актуальности задача проведения комплексных исследований, гарантировавших успех. Понимая ее важность, Н. Н. Диков в 1975 г. создал Северо-Восточно-Азиатскую комплексную археологическую экспедицию (СВАКАЭ), отряды которой были за-

креплены за определенными территориями. Благодаря такой организации удалось открыть и исследовать большое количество археологических памятников на Чукотке, Камчатке, Колыме и Охотском побережье. Исследования проводились в целях решения этнических проблем. Постепенно древняя история коряков, чукчей, ительменов, юкагиров, кереков, эскимосов, алеутов обретает зримые контуры: результаты исследований обобщаются в монографиях (Диков, 1977, 1979; Дикова, 1983; Пономаренко, 1985; Орехов, 1987; Лебединцев, 1990; Кирьяк, 1993а). Образование и деятельность СВАКАЭ позволили охватить археологическими исследованиями обширнейшие территории севера Дальнего Востока.

В ходе изысканий во внутриконтинентальных районах Северо-Восточно-Азиатского региона в 1980-е – первой половине 1990-х гг. выявляются раннеголоценовые памятники, которые позволяют наметить контуры мезолитических культур и в отдельных случаях проследить их генезис. Тем не менее обследования бескрайних просторов от Колымы на западе и до Берингоморья на востоке зависят от степени транспортной доступности территорий и носят вынужденно выборочный характер. Несмотря на это, продолжается накопление источников. С середины 1980-х гг. возобновляет археологические работы Магаданский областной краеведческий музей. К археологическому поиску подключается Станция юных туристов. В результате были открыты раннеголоценовые памятники в зоне Охотско-Колымского водораздела и Верхней Колымы (Воробей, 1996; Слободин, 1999, 2001), представляющие юго-западный фланг севера Дальнего Востока. На его восточном фланге (внутренние районы Восточной Чукотки) культуры раннего голоцена фиксируются по комплексам стоянок в зоне Путорацкого перевала. Наиболее представительной среди них является стоянка-мастерская Путорацкая (Диков, 1993а). В промежуточной зоне открыты четыре раннеголоценовых местонахождения: Тытыль I, Тытыль IV пункт 3 (Западная Чукотка), Экитыки III и Экитыки IV (Восточная Чукотка) (Кирьяк, 1993а,б, 1994, 1996а,б, 1997).

Все приведенные выше комплексы формировались в хронологических рамках бореала (Ложкин, Важенина, 1987), имеют близкие даты и относятся к переходному от палеолита к неолиту периоду, однако ясности в проблему мезолита они не вносят. Ими представлены совершенно разные культуры, генезис которых может быть установлен только при наличии обширного фактического материала, остающегося пока в значительной мере фрагментарным. Наиболее изученными в настоящее время являются восточнчукотские мезолитические памятники, на основе которых Н. Н. Диков выделяет путорацкую культуру. Путорацкий комплекс интерпретируется исследователем «как исходное

звено в распространении со стороны Чукотки в Америку важнейшего культурного компонента формирования древнейшей приморской культуры Берингии, включая и протоалеутскую «Анангулу» (Диков, 1993б. С. 48). С открытием путуракской культуры Н. Н. Диков пересматривает свою гипотезу о последовательности миграций древних популяций из Азии в Америку. Первую миграцию (слой VII ушковских стоянок) он по-прежнему связывает с палеоиндейцами, вторую (слой VI ушковских стоянок) – с предками атапасков (на-дене), а третью (путуракский комплекс) – с протоэскимосоалеутами, так как, по мнению исследователя, «сходство путуракского комплекса с пластинчатым набором орудий протоалеутской стоянки Анангула более убедительно, чем сходство с ним позднеушковской культуры и ее продолжения на Аляске – культуры денали» (Там же).

Продолжающаяся дискуссия об истоках мезолитических культур на северо-востоке Азии, их распространении и влиянии может быть конструктивной при условии достаточно широких в территориальном отношении исследований (в частности, на Чукотке, центральные районы которой остаются слабоизученными), а также обоснованного вычленения (с учетом региональных особенностей) вариантов раннеголоценовой сумнагинской (Якутия) суперкультуры и ее хронологических этапов. Пока же проблема мезолита в Северо-Восточно-Азиатском регионе существует на уровне постановки. Ее решение зависит от состояния археологических поисков в сложном природно-географическом регионе и выработки теоретических основ с учетом региональных особенностей.

Мы остановились на ключевых моментах археологических исследований на севере Дальнего Востока. В числе наработок есть и перспективные для дальнейших исследований. Далек от разрешения проблемы самого раннего присутствия человека на Крайнем Северо-Востоке Азии и первоначального заселения Американского континента (Там же. С. 176). На севере Чукотского полуострова при геологическом бурении в ледниковых отложениях, генезис которых не вполне ясен, обнаружены немногочисленные культурные остатки более чем 30-тысячелетнего возраста (Лаухин, Дроздов, 1989). В районе данного местонахождения нами в процессе рекогносцировочного маршрута обнаружено несколько пунктов с признаками пребывания человека в конце плейстоцена – начале голоцена. Это пока малочисленные комплексы с архаичными торцевыми нуклеусами, аналогичными восточнчукотским с верхнепалеолитической стоянки Курупка (Диков, 1993а, табл. 15, 9–11). Более древними могут оказаться палеолитические местонахождения, обнаруженные Н. Н. Диковым в Улювеевской впадине (северо-восток

Чукотского полуострова), с грубо обработанными скребловидно-рубиловидными орудиями и ярко выраженными рубиловидными артефактами (Диков, 1993а,б).

Довольно перспективными представляются начатые С. Б. Слободиным исследования древнейшего местонахождения в долине р. Большая Хая.

По-новому взглянуть на периодизацию культур каменного века Чукотки позволяют верхнепалеолитические памятники в долине р. Тытыльваам (Билибинский район), изучение которых начато с 1998 г. (Кирьяк и др., 2003).

Новые, омоложенные, датировки VII слоя стоянки Ушки V на Камчатке, полученные американскими исследователями в 2000 г. после раскопок, ставят под удар прежнюю концепцию о роли камчатского палеолита в заселении Америки; следовательно, актуальной задачей является продолжение дальнейших, более основательных работ на памятнике.

Таковы основные вехи и перспективы археологических поисков на Севере Дальнего Востока.

ЛИТЕРАТУРА

- Воробей И. Е.* Стоянка Дручак-Ветренный // Археологические исследования на Севере Дальнего Востока. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1996. – С. 24–51.
- Диков Н. Н.* Древнейшее прошлое Чукотки и задачи его изучения // Зап. Чукот. краевед. музея. – Магадан : Кн. изд-во, 1958. – Вып.1. – С. 5–11.
- Диков Н. Н.* О задачах исторических исследований на Севере Дальнего Востока СССР // История и культура народов Севера Дальнего Востока. – М. : Наука, 1967. – Вып. 17. – С. 4–14.
- Диков Н. Н.* Наскальные загадки древней Чукотки (Петроглифы Пегтымеля). – М. : Наука, 1971. – 131 с.
- Диков Н. Н.* Основные проблемы археологического изучения Северо-Востока СССР // Вопр. истории. – 1975. – № 10. – С. 43–53.
- Диков Н. Н.* Памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. – М. : Наука, 1977. – 391 с.
- Диков Н. Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии. – М. : Наука, 1979. – 352 с.
- Диков Н. Н.* Азия на стыке с Америкой в древности. – СПб. : Наука, 1993а. – 304 с.
- Диков Н. Н.* Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1993б. – 68 с.
- Дикова Т. М.* Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. – М. : Наука, 1983. – 231 с.
- Кирьяк М. А.* Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. – М. : Наука, 1993а. – 216 с.
- Кирьяк М. А.* Новый комплекс артефактов каменного века из районов озера Эльгыгытгын // Природа впадины озера Эльгыгытгын. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1993б. – С. 199–211.
- Кирьяк М. А.* Тытыль – новый мезолитический памятник Западной Чукотки // Вестник ДВО РАН. – 1994. – № 4. – С. 103–107.

- Кирьяк М. А. Новый мезолитический памятник Западной Чукотки // Поздний палеолит – ранний мезолит Восточной Азии и Северной Америки : материалы междунар. конф. – Владивосток : 1996а. – С. 112–116.
- Кирьяк М. А. Докерамические местонахождения в бассейне р. Кымынейвеем (Восточная Чукотка) // Археологические исследования на Севере Дальнего Востока. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1996б. – С. 17–24.
- Кирьяк М. А. Мезолитические местонахождения на оз. Экитыки (Центральная Чукотка) // Материалы и исследования по археологии Севера Дальнего Востока и сопредельных территорий. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1997. – С. 9–18.
- Кирьяк М. А., Орехов А. А. Археологические исследования на Севере Дальнего Востока (полвека истории) // Там же. – 2000. – № 4(4). – С. 38–48.
- Кирьяк М. А., Глушко О. Ю., Браун Т. А. Верхнепалеолитические комплексы долины реки Тытыльваам (Заполярная Чукотка) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 2–15.
- Лаухин С. А., Дроздов Н. И. Первое местонахождение артефактов начала позднего палеолита на севере Чукотского полуострова // Проблемы краеведения: Арсеньевские чтения. – Усурийск, 1989. – С. 37–41.
- Лебединцев А. И. Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. – Л. : Наука, 1990. – 264 с.
- Лев Д. Н. Новые археологические памятники Камчатки // СЭ. – 1935. – № 4/5. – С. 217–224.
- Левочкин Н. Н. Древняя стоянка в верховьях р. Якитивеем // КСИИМК. – 1950. – Вып. 31. – С. 193–195.
- Ложкин А. В., Важенина Л. П. Особенности развития растительного покрова Колымской низменности в раннем голоцене // Четвертичный период Северо-Востока Азии. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1987. – С. 135–144.
- Окладников А. П. Первый неолитический памятник Чукотского полуострова // КСИИМК. – 1950. – Вып. – 31. – С. 196–198.
- Окладников А. П., Береговая Н. А. Древние поселения Баранова мыса. – Новосибирск: Наука, 1971. – 214 с.
- Окладников А. П., Некрасов И. А. Новые следы континентальной неолитической культуры на Чукотке (находки у оз. Эльгыгытгын) // СА. – 1957. – Вып. 2. – С. 102–114.
- Орехов А. А. Древняя культура Северо-Западного Берингоморья. – М. : Наука, 1987. – 174 с.
- Пономаренко А. К. Древняя культура ительменов восточной Камчатки. – М. : Наука, 1985. – 216 с.
- Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. – М.; Л. : Изд-во Главсевморпути, 1947. – 132 с.
- Саяпин А. К., Диков Н. Н. Древние следы каменного века на Чукотке (Новые находки на берегу озера Эльгыгытгын) // Зап. Чукот. краевед. музея. – Анадырь, 1958. – Вып. 1. – С. 17–37.
- Слободин С. Б. Археология Колымы и Континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 1999. – 234 с.
- Слободин С. Б. Верхняя Колыма и Континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. – Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – 202 с.

Поступила в редакцию 16.03.2005 г.

A SHORT HISTORY OF ARCHEOLOGICAL STUDIES IN THE NORTHERN AREAS OF THE RUSSIAN FAR EAST (Dedicated to the 80th Jubilee of Prof. N. N. Dikov)

M. A. Kiriak

This article presents the history of archeological studies conducted throughout northeastern areas of Asia. It gives a short description of a «spontaneous» period of studying this territory by the participants of geographic expeditions, travelers and government officials since the 17th till the beginning of the 20th century, and by the first geologists, who came here in the 20th century. The development of archeological studies in the north-east of Russia is described, and the most important role of prof. N. N. Dikov is shown in this paper. Prof. N. N. Dikov has greatly contributed to the studies of the old traditions of the natives, including his key discoveries of the Ushki Sites in Kamchatka, also his new approaches to studying the Eskimo problem, the ethnic identification of ancient cultures in Chukotka and Kamchatka, etc. The archeological studies of the northern areas are to be continued.

Key words: archeological studies, ethnic identification, the Ushki Traditions, the Siberdik Traditions, the Puturak Traditions, migration, Mesolithic, the prospects of.